

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
ТЮМЕНСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

ВЕСТНИК АРХЕОЛОГИИ, АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

Сетевое издание

**№ 3 (54)
2021**

ISSN 2071-0437 (online)

Выходит 4 раза в год

Главный редактор:

Багашев А.Н., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН

Редакционный совет:

Молодин В.И. (председатель), акад. РАН, д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН;
Бужилова А.П., акад. РАН, д.и.н., НИИ и музей антропологии МГУ им М.В. Ломоносова;
Головнев А.В., чл.-кор. РАН, д.и.н., Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамера);
Бороффка Н., PhD, Германский археологический ин-т, Берлин (Германия);
Васильев С.В., д.и.н., Ин-т этнологии и антропологии РАН; Лахельма А., PhD, ун-т Хельсинки (Финляндия);
Рындина О.М., д.и.н., Томский госуниверситет; Томилов Н.А., д.и.н., Омский госуниверситет;
Хлахула И., Dr. hab., университет им. Адама Мицкевича в Познани (Польша);
Хэнкс Б., PhD, ун-т Питтсбурга (США); Чиндина Л.А., д.и.н., Томский госуниверситет;
Чистов Ю.К., д.и.н., Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамера)

Редакционная коллегия:

Агапов М.Г., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Аношко О.М., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Валь Й., PhD, Общ-во охраны памятников Штутгарта (Германия);
Дегтярева А.Д., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Зах В.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Зими́на О.Ю. (зам. главного редактора), к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Ключева В.П., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Крийска А., PhD, ун-т Тарту (Эстония); Крубези Э., PhD, ун-т Тулузы, проф. (Франция);
Кузьминых С.В., к.и.н., Ин-т археологии РАН; Лискевич Н.А. (ответ. секретарь), к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Печенкина К., PhD, ун-т Нью-Йорка (США); Пинхаси Р., PhD, ун-т Дублина (Ирландия);
Пошехонова О.Е., ТюмНЦ СО РАН; Рябогина Н.Е., к.г.-м.н., ТюмНЦ СО РАН;
Ткачев А.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН

Утвержден к печати Ученым советом ФИЦ Тюменского научного центра СО РАН

Сетевое издание «Вестник археологии, антропологии и этнографии»
зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство Эл № ФС77-71754 от 8 декабря 2017 г.

Адрес: 625026, Тюмень, ул. Малыгина, д. 86, телефон: (345-2) 406-360, e-mail: vestnik.ipos@inbox.ru

Адрес страницы сайта: <http://www.ipdn.ru>

© ФИЦ ТюмНЦ СО РАН, 2021

**FEDERAL STATE INSTITUTION
FEDERAL RESEARCH CENTRE
TYUMEN SCIENTIFIC CENTRE
OF SIBERIAN BRANCH
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES**

VESTNIK ARHEOLOGII, ANTROPOLOGII I ETNOGRAFII

ONLINE MEDIA

**№ 3 (54)
2021**

ISSN 2071-0437 (online)

There are 4 numbers a year

Editor-in-Chief

Bagashev A.N., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS

Editorial board members:

Molodin V.I. (chairman), member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of History,
Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Buzhilova A.P., member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of History,
Institute and Museum Anthropology University of Moscow
Golovnev A.V., corresponding member of the RAS, Doctor of History,
Museum of Anthropology and Ethnography RAS Kunstkamera
Boroffka N., PhD, Professor, Deutsches Archäologisches Institut, Germany
Chindina L.A., Doctor of History, Professor, University of Tomsk
Chistov Yu.K., Doctor of History, Museum of Anthropology and Ethnography RAS Kunstkamera
Chlachula J., Doctor hab., Professor, University of a name Adam Mickiewicz in Poznan (Poland)
Hanks B., PhD, Professor, University of Pittsburgh, USA
Lahelma A., PhD, Professor, University of Helsinki, Finland
Ryndina O.M., Doctor of History, Professor, University of Tomsk
Tomilov N.A., Doctor of History, Professor, University of Omsk
Vasilyev S.V., Doctor of History, Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Editorial staff:

Agapov M.G., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Anoshko O.M., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Crubezy E., PhD, Professor, University of Toulouse, France
Degtyareva A.D., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Kluyeva V.P., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Kriiska A., PhD, Professor, University of Tartu, Estonia
Kuzminykh S.V., Candidate of History, Institute of Archaeology RAS
Liskevich N.A. (senior secretary), Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Pechenkina K., PhD, Professor, City University of New York, USA
Pinhasi R. PhD, Professor, University College Dublin, Ireland
Poshekhonova O.E., Tyumen Scientific Centre SB RAS
Ryabogina N.Ye., Candidate of Geology, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Tkachev A.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Wahl J., PhD, Regierungspräsidium Stuttgart Landesamt für Denkmalpflege, Germany
Zakh V.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Zimina O.Yu. (sub-editor-in-chief), Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS

Address: Malygin St., 86, Tyumen, 625026, Russian Federation; mail: vestnik.ipos@inbox.ru
URL: <http://www.ipdn.ru>

Романова Е.Н.^{a, b}, Степанова Л.Б.^{a, *}

^a Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН
ул. Петровского, 1, Якутск, 677027

^b Международная научно-исследовательская лаборатория «Лингвистическая экология Арктики»
ул. Белинского, 58, Якутск, 677000

E-mail: e_romanova@mail.ru (Романова Е.Н.); solo007_79@rambler.ru (Степанова Л.Б.)

АНТРОПОЛОГИЯ БОЛЕЗНИ. ПО СЛЕДАМ ЭПИДЕМИЙ ПОЛЯРНОГО КРУГА: ПОЛЕВЫЕ МАТЕРИАЛЫ И.С. ГУРВИЧА

Представлена интерпретация визуального образа эпидемий в традиционном мировоззрении коренных народов Якутии. На примере локальных представлений о болезнях и лечении в разных этнических общностях Северной Азии (якутов, эвенов, юкагиров) анализируется сложный социокультурный феномен, сформировавшийся в XVII в. в результате исторических контактов местных и пришлых культур. Методологической новацией настоящей статьи является «когнитивный» поворот в изучении колониальных болезней в русле их восприятия и переживания человеческими сообществами.

Ключевые слова: история эпидемий, коренные этносы Северо-Востока России, антропология болезни, здоровьесберегающие народные практики, персонаж и образ болезни, семантика и ритуальный контекст.

Введение

В истории Северо-Востока России массовые эпидемии стали судьбоносными для многих этнических сообществ северного кочевого мира, уничтожив за сравнительно короткий период якутские, юкагирские, эвенские и чукотские роды. Структура народных знаний, включающая систему обрядовых действий при эпидемиях, внезапно актуализировалась в связи с пандемией коронавирусной инфекции в 2020 г. В статье рассматривается опыт изучения антропологии болезни, а также системы сохранения жизни и здоровья локальных северных сообществ на фоне советского дискурса. Исследования телесности в контексте болезни и здоровья в рамках ментальных и знаково-символических измерений народов Северной Азии, реализующих свой креативный адаптивный механизм, востребованы в мировой науке в условиях глобальных эпидемических вызовов. Целью настоящего исследования является репрезентация системы сохранения жизни и здоровья локальных северных сообществ и их духовного опыта при социальных, эпидемических и климатических катастрофах.

Система обрядовых действий при эпидемиях в структуре народных знаний коренных народов Севера всегда вызывала интерес исследователей. Методологический «прорыв», произошедший со сменой идеологической парадигмы в российской этнографической науке в 1990-е гг., открыл возможности для развития медицинской антропологии в России. В 2005 г. при Институте этнологии и антропологии РАН (г. Москва) была создана группа медицинской антропологии под руководством В.И. Харитоновой [Харитонов, 2015, с. 5]. Анализируя специфику сибирского неошаманизма, в том числе новые формы неошаманских практик (религиозные организации шаманов), а также проблемы болезни и врачевания в культурном и социально-экономическом контексте, исследователи отмечают, что местные магико-религиозные целители, шаманы, действуют в социуме в качестве психотерапевтов [Михель, 2015, с. 220]. Констатируются тенденции ревивализма, основанного на психофизиологических особенностях тех лиц, которые тяготеют к шаманской деятельности [Харитонов, 2003, 2009]. В исследованиях А.М. Григорьевой подчеркивается право коренных народов на сохранение практики народного врачевания в современном обществе [2012, с. 5]. В трудах Т.В. Пашковой, М.М. Содномпиловой и Е.П. Батяновой, посвященных исследованию здоровья коренного населения Сибири и Русского Севера, актуализировано изучение эпидемий и их визуализирование в разных культурных традициях с учетом этнической специфики этих народов [Пашкова, 2016; Содномпилова, 2016, 2017; Батянова, 2018].

В зарубежной историографии современные специалисты по медицинской антропологии фиксируют устойчивый интерес к мировому опыту неинституционализированных небиемедицин-

* Corresponding author.

Антропология болезни. По следам эпидемий Полярного круга: полевые материалы И.С. Гурвича

ских традиций. Изучение медицинских систем обществ, которые не входят в авангард индустриального и постиндустриального секторов мира, стал предметом исследования начиная со второй половины 1980-х гг. [Ohnuki-Tierney, 1984]. Заметное разочарование от организации азиатской медицинской системы и западной холистической медицины заставляет обращаться к методам этнографического исследования целительных практик [Rashid et al., 2015, p. 12]. Зарубежные исследователи, изучавшие опыт лечебных практик шаманов Якутии, акцентируют внимание на особенностях их мировоззрения, отмечая, что они используют собственные духовные силы для исцеления [Balzer, 2008, p. 148; Kolodeznikova, Peers, 2015, p. 245]. При этом лечебные манипуляции сопровождаются магическим действием, направленным на «умилостивление» либо «изгнание» болезни.

Объект исследования

Исследования советского этнографа-североведа И.С. Гурвича (1919–1992) в местах компактного проживания коренных народов Якутии (Юкагирская экспедиция 1959 г.) впервые определили научный интерес к проблеме медицинской антропологии, где нашли отражение самобытные представления о болезнях и здоровье как витальном единстве (тело и душа), а также выделена символическая природа лечебных практик. Главным объектом настоящего исследования, скрепляющим прошлое и настоящее, является традиционный мир «восприятия» и «переживания» массовых эпидемий коренными жителями Севера на протяжении длительного времени (табл. 1).

Таблица 1

Годы эпидемий в Якутской области *

Table 1

Years of epidemics in Yakut region

	Болезни
1651–1652	Оспа у якутов в нижнем течении Лены и столбовских тунгусов
1653	Эпидемия оспы у якутов на реке Оленеке и в нижнем течении Лены
1657–1659	Оспа
1663	Первая крупная эпидемия оспы
1669	Оспа
1691–1694	Оспа, умерло 2535 юкагиров
1779–1791	Эпидемия кори
1781	Оспа
1852	Оспа
1855	Эпидемия оспы в Походске
1859–1860	Оспа
1861–1870	1863 — эпидемия кори в Якутске, умерли 431 чел.
1868–1870	Эпидемия ящура
1873–1874	Оспа
1882	Оспа в Якутске
1883–1885	Оспа в Усть-Янье, Булуна, на Нижней Колыме у чукчей в алазейской и чаунской тундре.
1898	Эпидемия оспы на р. Омолон (приток Колымы), вымерло 10 юкагирских стойбищ
1924	Эпидемия испанки в Якутске

* Таблица составлена по: [Парникова, 1962, с. 247; Гурвич, 1974, с. 249–250; Окладников, Гоголев, 1977, с. 72–74; Иохельсон, 2005, с. 34–35].

Методология

На основе разнообразного корпуса источников (документальных, архивных, литературных, научных) актуализируются сведения о колониальных болезнях в Якутии. При подготовке статьи авторы опирались на документальные и визуальные источники из Владельческой коллекции И.С. Гурвича в собрании Научно-исследовательского центра книжных памятников Национальной библиотеки Республики Саха (Якутия) и Рукописного фонда Архива ЯНЦ СО РАН. На основе полевых материалов И.С. Гурвича о массовых эпидемиях на Севере авторы раскрывают тему природных и социальных катаклизмов через призму восприятия и переживания их северными этническими сообществами. Колониальные болезни рассматриваются в русле социальной и когнитивной антропологии. В статье представлен семиотический анализ мифологических, фольклорных и обрядовых текстов.

Результаты

Уникальный опыт «переживания» и народные стратегии по укрощению эпидемий на протяжении столетий раскрывают бытийный адаптивный ресурс северных сообществ, связанный с

жизнесберегающей, этноэкологической культурой Севера. В полевых материалах И.С. Гурвича сохранился разнородный пласт народных медицинских знаний и представлений, а также сюжеты о духах болезней, собранные в разных районах Якутии. В результате сравнительного анализа сюжетов юкагирских и якутских преданий об оспе ученый приходит к выводу о заимствовании образа болезни от русских и проникновении его в фонд локальных демонологических представлений [Гурвич, 1974, с. 269]. Примечательно, что коренные народы Севера разработали оригинальную систему представлений, поверий и здоровьесберегающих практик, направленных на предотвращение природных и социальных катаклизмов. В языковой картине мира якутов понятие «эпидемия» — «дъанг» (ср. с монг. «венерическая болезнь» и алт. «эпидемия») включает следующие значения: мор, повальная болезнь, чума, поветрие [Пекарский, 2008, с. 784]. У эвенков «оспа» звучит как «игат», что подчеркивает ее особенность [Ришес, 1950, с. 134], в то время как другие болезни на эвенском языке — «энэк», «бутэн»; заразная болезнь — *давувки энэк*, *давувки бутэн* [Там же, с. 15]. В представлениях юкагиров, корь, оспа и сифилис — болезни, принесенные русскими. Корь стала для них настоящим бичом, унесшим многие жизни. Оспу лесные юкагиры называют «шомодъэ-йоу». В.И. Иохельсон в своих материалах отмечает, что ни одна другая болезнь не вызывает такого ужаса у юкагиров, как оспа — одна из главных причин вымирания народа, особенно эпидемия 1691 г. Эти сведения дают представление о масштабах бедствия для этого народа, вызванного болезнью [Иохельсон, 2005, с. 66]. В языке тундровых юкагиров слову «эпидемия» есть соответствия «ньинизэйгуу», «чумдуул» — досл. большая болезнь, великая беда, вымирание, эпидемия [Курилов, 2001, с. 384, с. 564]. В представлениях юкагиров даже шаманы бессильны перед оспой, но ее можно умиловить. Для этого во время эпидемии, они на деревьях размещали подarki и жертвоприношения в виде меха [Иохельсон, 2005, с. 67].

В ходе работы Юкагирской экспедиции 1959 г. И.С. Гурвич зафиксировал предание о сборе юкагирских родов в местности Куемэ на весеннюю ярмарку 1863 г., во время которой произошла вспышка черной оспы. Ценную информацию ученому предоставил уроженец Аллаиховского района Н.И. Слепцов. Фольклорный текст передает, что по всем родам и стойбищам прошло известие о скором приезде чиновника для разрешения административных вопросов, священника для крещения и регистрации браков и купцов для торговли. К положенному времени в одном месте собрались сотни представителей родов, которые позднее погибли от вспышки эпидемии. В живых осталось только несколько мужчин и женщин. По мнению информанта, с этого события началось смешение родов, народностей и языков [РФ АЯНЦ СО РАН. Ф. 5, оп. 1, д. 359, л. 280–281].

Предание о гибели Зашиверска — полярного «града Китежа» от оспы в 1883 г. было записано участниками Зашиверской историко-архитектурной экспедиции в 1969 г. Согласно легенде причиной смерти его жителей стал безымянный сундук с ярмарки: расхватали люди из сундука блестящие украшения, драгоценности, ткани, не послушав наказ шамана утопить «чужой» сундук в проруби на р. Индигирке. Назавтра в городе появилась страшная гостья — «черная оспа». Вымерли все жители, уцелела только одна маленькая девочка [Окладников, Гоголев, 1977, с. 30].

Эпидемия как «дорожный» женский персонаж

В народных представлениях «чужие» болезни ходили по дорогам в поисках людей, поэтому во времена страшных эпидемий оспы люди переселялись в другие места далеко от проезжих мест, убивали собак и быков — порозов¹, чтобы те своим лаем и ревом не могли привлечь в дом оспу. Считалось, что оспа, превратившись в русскую женщину, все время прислушивалась в поисках мест обитания людей. Если услышит собачий лай, человеческий голос или мычание скота, стук топора, скрип саней, узнает, что живут люди, и приходит к ним [Исторические предания..., 1960, с. 295]. В этом контексте большой интерес представляет мотив слушания/подслушивания оспой звуков человеческой деятельности. Поверья, связанные с подслушиванием оспой звуков Жизни, отсылают нас к зимним гаданиям по звукам на судьбу, что в символическом плане означало прибытие оспы как непрошеной гостьи из «иномирья» в мир людей в поисках «суженого». Когда в селении появлялась оспа или корь, в доме заболевшего устраивали ритуальное пиршество с приглашением соседей: *«Делают радостные лица, выкладывают на стол все, что есть в доме лучшего, как бы принимая почетного гостя»*. Реакция на контакт с «незваной» гостьей выражалась в форме символически разыгрываемых «проводов» в доме больного. Когда кто-нибудь заболевает в юрте, родственники делают маленькую лодку с ключинами и всеми принадлежностями, ставят на нее столик с чашками, кладут угощение, выносят

¹ Пороз — некастрированный бык.

на дорогу и говорят: «Ну, мама (название кори. — *Е. Р.*), иди теперь к таким-то...» (называют фамилию тех соседей, кому хотят передать болезнь) [Романова, 1997, с. 74]. Существовали определенные запреты: больному не давали смотреть на огонь, не показывали материю (одежду) красного цвета, пищу. Запрет мотивировался тем, что если больной увидит свет или красное, то болезнь усилится и он скоро умрет [Исторические предания..., 1960, с. 295]. Многие болезни у народов Сибири и Севера имели визуальные образы, соотнесенные с определенным цветом [Батьянова, 2018, с. 699]. Возможно, красный цвет ассоциировался с внешним проявлением самой болезни. Вызывает интерес обозначение «духа кори» местными жителями как «мамы». Это безусловно отражает результат межэтнических контактов с русским старожильческим населением Арктики и восприятия «чужих» болезней в образе «родственников».

В демонологической традиции коренных народов Севера в наибольшей степени была персонифицирована оспа, представляемая в разных ипостасях. Оспу изображали в виде высокой, худой старухи или девушки славянской внешности. Якуты называли оспу «улахан ыарыы» (*большая болезнь*). Это девушка, что к северному морю не подходит, мерзнет нога, ходит она в торбазах с загнутой головкой из конской кожи, с оторочкой из синего сукна [НИЦКП НБ РС (Я). Архив И.С. Гурвича. Ящ. 35, д. 1, л. 1]. Встречаются варианты преданий, где оспа визуализируется в образе старухи в черном платье [Григорьева, 2012, с. 22]. В легендах абыйских якутов оспа изображалась в виде трех молодых русских девушек-сестер, которые ходили вместе [Исторические предания..., 1961, с. 301]. Таким образом, эпидемиологические болезни «встраивались» в систему социальных коммуникаций жизненного мира по типу «комплиментарности».

Что касается происхождения повальных болезней, то считалось, что русские болезни, такие как оспа и корь, насылались северными старухами — духами (юер) русских женщин, умерших не своей смертью на Севере [Бравина, Попов, 2008, с. 156–157]. В поверьях северных якутов Оспа избегала сильных холодов и не заходила далеко на Север (сюжеты об Оспе, обморозившей ноги в реке), этим объяснялось отсутствие оспы в Оймяконе [Исторические предания..., 1960, с. 296–297].

Цветовой код повальных болезней на Севере соотнесен с красным, черным (символ смерти) и синим. Анализ нарративных источников, связанных с эпидемией у коренных народов Севера, как единого текста (с оспой — женским персонажем) показал, что Дух оспы в образе девушки в синем платье, с синей оторочкой на торбазах и красным платком на голове — «особость» визуализации болезни на Северо-востоке Азии. Важно отметить, что использование синего цвета в описании одежды духа болезни обусловлено «этнодиалектной» символикой пространственного континуума Арктики, где широкоизвестный образ оспы как «русской девушки в сарафане» был значительно переработан в контексте ментальной карты локальных северных этнических сообществ.

Зооморфное воплощение эпидемий

Оспа как мифологический персонаж могла появляться в облике птицы. Воплощение духа оспы в образе священной птицы встречается в якутском предании о шамане Суор уола, который вступил в борьбу с духом оспы, представшим перед ним в образе семи девушек-стерхов. Он побеждает дух болезни, обманом поместив его в бутылку, после чего кладет в железную бочку с тройными стенками и топит в проруби [Исторические предания..., 1960, с. 300]. Показательно, что здесь дух болезни кодируется признаком «множественности»: так, семь стерхов, по преданию сестер, прибыв в незнакомую местность, «взявшись за руки, стали кружиться в пляске по середине озера» [Там же, с. 299]. По всей видимости, круговой танец и протяжные песни духа оспы демонстрируют особое магическое поведение мифологического персонажа перед встречей с людьми. Можно предположить, что в семантическом поле «птичьего» сюжета проигрываются календарные символы «перехода» (птица / мотив орнитоморфной невесты; озеро / граница мира живых и мира мертвых; хоровод / ритуал девичества, выбор местности / «знак» гадания).

Особо выразительна в этом смысле амбивалентная символика самой птицы в культурной традиции юкагиров, якутов, эвенков. По народным поверьям, стерх знаменовал собой весну и был связан со светлым началом. Архаичный корпус фольклорных текстов якутов сохранил образ небесных дев в ипостаси стерхов, а также эпических небесных шаманок, превращающихся в стерхов. Исследователь С.П. Ойунская, изучая загадки якутов, отметила отсутствие загадок о стерхе (кыталык), объясняя это запретом произносить вслух название этой птицы, имеющей шаманское происхождение; его изображение на шаманском костюме служило «эмблемой полета шамана» [Соловьева-Ойунская, 1992, с. 29]. Добавим, что в местности, куда прилетали стер-

хи и было слышно их пение, нельзя было останавливаться, строить дом, селиться [РФ АЯНЦ СО РАН. Ф. 5, оп. 3, д. 523, л. 139 об.].

Представление об «опасных» локусах (связь птицы с иномиром) в имплицитной форме указывает на «опасное» время — ранневесенний период (время прихода эпидемии в образе демонологического персонажа). Как известно, эпидемии носили сезонный характер. В этом плане большой интерес представляют ритуальные поединки якутского шамана в образе голубо-пестрого быка с быком Оспы, восходящие в своей основе к календарным мифам. Так, в шаманских текстах при сражении с рыже-пестрым быком Оспы (рыжий — «знак» болезни) у шамана вырастают красные рога, и он начинает с сильным шумом рыть ими землю [Ксенофонов, 1992, с. 86–87]. Мотив «роста красных рогов» у голубо-пестрого шамана быка («знак» небесного начала) может быть интерпретирован как «рождение солнца на его рогах», что означало уничтожение темных деструктивных сил (болезнь) и начало новой жизни. Примечательно, что «пестрый скот» был общей характеристикой «оспы» в мифологической картине тюрков (хакасов) и монголов [Содномпилова, 2016, с. 46]. Близким им по сюжету является календарный миф о состязании двух знаменитых шаманов в обличье быков, провалившихся под землю и спасшихся с помощью небесного шамана, который вытащил их на «солнечный свет» [Серошевский, 1993, с. 696]. Обращает на себя внимание якутский миф о Быке Зимы — архаичном календарном символе (зима в образе огромного быка «с очами, словно проруби, с предлинными звонкими рогами, с туловищем, заслоняющим солнце... с вьюком из болезней, тороками из простуды») и его параллели с Быком Оспы [Кулаковский, 1979, с. 46]. Оба мифологических существа имеют хтоническое происхождение и участвуют в создании хаотной ситуации в природном и жизненном цикле.

В восприятии северных народов ритуальный мотив «битвы шамана с оспой» восходит к креационным мифам преодоления Хаоса (гибель, смерть) и восстановления Гармонии (жизнь, обновление). Символической стратегией «переживания» болезни являлось проецирование/моделирование сакральной коммуникации в реальность как заданной «программы» по преодолению кризисного состояния общества (упорядочение мира). Оригинальные сведения о перевоплощениях духа оспы на основе местных традиций были собраны в северных экспедициях И.С. Гурвичем, который придавал этой сфере народной культуры большое значение. Из его полевых материалов следует, что оспа как дух часто принимала обличье огненно-красного быка, красной белки, красной лисицы, иногда она имела форму множественных бесплотных духов, которые выбирают направление своего дальнейшего губительного для людей передвижения, прислушиваясь к шепоту верхушек деревьев (табл. 2) [НИЦКП НБ РС (Я). Архив И.С. Гурвича. Ящ. 35, д. 2, л. 57]. В славянской народной традиции болезнь могла исходить от природных явлений: от воды, тумана, но чаще всего от ветра, вихря [Славянские древности..., 1995, с. 223].

Традиционное восприятие эпидемии как «поветрия» сохранилось в языковой картине якутов и юкагиров. По народным поверьям, повальные болезни приносились холодными ветрами с севера. Показательно, что у русских старожилов Арктики сохранились ритуальные действия, которыми с помощью куклы «вызывали» ветер. В 1944 г. И.С. Гурвичу у субэтнической группы русских — походчан удалось приобрести «ритуальную куклу» — «вещный» символ вызывания ветра. Согласно поверью, для вызывания ветра летом куклу выносили на улицу, стегали прутьями и вешали на крышу дома [Циркумпольная цивилизация..., 2009, с. 88]. Исследователи, изучавшие русское старожильческое население Заполярья, отмечали, что «досельные русские набожны, и у них прочно бытует до сих пор христианская религия». В случае серьезной болезни обращались за помощью к эвенским и якутским шаманам [РФ АЯНЦ СО РАН. Ф. 5, оп. 3, д. 766, л. 13]. «Перестраивание» обрядовых символов русских на Севере было обусловлено этнокультурным пограничьем, при этом знаковая система отбирала наиболее значимые элементы традиционной культуры соседних этносов.

Магические приемы защиты от эпидемий

В разгар эпидемии оспы якуты тушили огонь в камельке и добывали новый огонь с помощью трения (Григорьева, 2012, с. 177). Магические действия зажигания «нового» огня как продуцирующего начала, обладающего целительными свойствами в доме больного, должны были обеспечить хозяевам избавление от болезни. Традиционный этикет коренных народов Севера предписывал во время эпидемии оспы, при переезде на другое место, сжечь свое жилье, оставив на месте пепелища особый ритуальный знак. В землю втыкали горелую палку, которой мешали в камельке угли, что в семантическом плане означало «границу-преграду», переход от смерти к жизни. Об уходе из этих мест не говорили вслух, а перемигивались, чтобы не услыша-

ла оспа. Тогда оспа думала, что к ней идут новые люди, и оставалась на старом месте дожидаться людей [НИЦКП НБ РС (Я). Архив И.С. Гурвича. Ящ. 35, д. 1, л. 1]. Символическая коммуникация в ситуации самоизоляции семей на дальние расстояния устанавливалась с помощью невербальных средств сообщения. Визуальный диалог с внешним миром осуществлялся посредством предметов — образов: далеко от жилища, в лесу, втыкали палки в снег, самая длинная из них означала хозяина дома, покорооче этой — хозяйку, а еще короче — детей. Если кто-то заболел, наклоняли его «именную» палку, а если умирал, переламывали ее, наступив на нее. Одной из профилактических мер, вошедших в предписания во время эпидемий, был запрет встречаться лично с человеком из семьи больного, прямой контакт усматривался как встреча лицом к лицу с самой «эбэ» (оспой) [Исторические предания..., 1960, с. 296]. Таким образом, акт общения с духом болезни приобретал знаковый характер, способом кодирования сообщений выступали предметы — образы, ритуальное молчание, мимика.

В 1952 г. в Абыйском районе ЯАССР И.С. Гурвич в п. Крест-Майор зафиксировал пепелище на месте юрты, где проживала семья умершего от оспы (рис. 1).

Рис. 1. Дом, сожженный после увоза прокаженного, п. Крест-Майор Абыйского р-на ЯАССР. Владельческая коллекция И.С. Гурвича в фонде Национальной библиотеки Республики Саха (Якутия). Фотоархив [Абыйский район ЯАССР. Л. 112].

Fig. 1. The house burned after the removal of the leper, Krest-Major settlement by the Abyjskij district of YaASSR. Owner's collection of I.S. Gurchich in the Fund the National library of the Sakha Republic (Yakutia). Photo archive. [Abyjskij district. L. 112].

В традиционном мировосприятии коренных жителей Севера болезнь изображалась хтоническим персонажем, которого можно было победить посредством исполнения специальных ритуально-магических действий. Так, для предотвращения повальной болезни на Колыме юкагиры совершали следующие охранительные действия: вечером били колотушкой снег, выносили из яранги огонь и разводили его у входа, приговаривая: «*Не спи, никого не пропускай*» [РФ АЯНЦ СО РАН. Ф. 5, оп. 1, д. 359, л. 110].

В 1954 г. И.С. Гурвич зафиксировал оригинальное предание об эпидемии кори на р. Коркдон. Согласно сюжету старик, предчувствуя приближение опасной болезни из Среднеколымска, распоряжается, чтобы весь род откочевал, наказав ни в коем случае не оглядываться. Старик остается встречать болезнь в одиночестве. Дух кори предстает в образе русской женщины в одном платье, она обращается к старику с просьбой о ночевке. Старик соглашается, а ночью бросается на болезнь с горящей головней. Болезнь, не выдержав ударов, оборачивается ветром и улетает, а старик воссоединяется с родичами. От болезни умирает лишь молодая девушка, оглянувшаяся во время пути назад, нарушив наказ старика [НИЦКП НБ РС (Я). Архив И.С. Гурвича. Ящ. 35, д. 3, л. 12–13]. Очевидно, что старик в юкагирском предании о болезни выполняет ритуальную роль шамана и побеждает. Отметим, что в данном тексте болезнь как антропоморфный субъект несет в себе способность к «природным» перевоплощениям, что дает основание говорить о ее «колдовской» силе.

Сакральные практики воздействия на болезнь: предвидение, договор, одаривание/выкуп, приемы обмана, избавление

В народной медицине аборигенных сообществ Севера особое место отводилось магическим действиям, ориентированным на излечение больного. Обратим внимание на разворачивание символических актов коммуникации шамана с демонологическим персонажем. Визуальный контакт начинается на расстоянии, когда шаманы предсказывают приближение оспы. В материалах, собранных И.С. Гурвичем у верхоянских якутов, есть рассказ о гибели хоролорского шамана, предчувствовавшего приход большой болезни (оспы) и погибшего после камлания [НИЦКП НБ РС (Я). Архив И.С. Гурвича. Ящ. 35, д. 2, л. 6]. Большой интерес вызывает участие детей в шаманском обряде изгнания духа болезни. Так, во время «общения» шамана с духом оспы посредниками между ними выступали дети, как существа, близкие к «природному» миру (способность видеть «невидимое»). В преданиях об Оспе среди выживших остается только маленький ребенок или мальчик и девочка, которых болезнь жалеет и оставляет в живых, но их дальнейшая судьба неизвестна. В описаниях хосунного эпоса главные персонажи батыры Маһараах и Хахыс вступают в битву с Оспой. Хитроумный Маһараах, владевший колдовством, обманывает Оспу, морозит ее на Северном побережье и в конце концов заставляет признать свое поражение, заставив ее покинуть эти места. Хахыс-батыр, выживший вместе с безымянным мальчиком, бросает вызов болезни, терпит поражение и погибает [Там же, л. 9].

Избавление от болезни происходило, как правило, посредством ее заточения в какой-нибудь предмет. Кобяйский шаман, встретив оспу в образе трех сестер, совершил камлание, после чего закрыл их в сосуд и утопил в озере. Колымский шаман Куома обманом поймал оспу в ловушку — мочевой пузырь собаки и таким образом победил ее [РФ АЯНЦ СО РАН. Ф. 5, оп. 3, д. 430, л. 18–19]. Примечательно, что при эпидемиях оспы и кори шаман совершал обряд под названием «жертвоприношение собаки северным старухам», при котором «собаку хоронили живьем» [Бравина, Попов, 2008, с. 156]. В обряде «жертвоприношение собаки северным старухам», в записи этнографа А.А. Попова, северные духи-сестры (воплощение повальной болезни) в обмен на жизнь людей требовали от шамана выкупа: *«...вручая выкуп за красивое (тонкое) дыхание отдал что ли дар за себя и выкуп за дыхание? ...Это что ли нужно нам? Это что ли наша огненно-пестрая скотина? Это что ли собака девяти уор? ...Наше желание еще не полно, мы, отважные, отрывисто дыша и запыхавшись [спрашиваем]: где же шелковый платок для утирания пота, а крестовая монета, а пегий, имеющий ошейник, кругом пестрый колонок, а сиводушка с пятном на груди, когда же все это приготовишь? Подавайте это, если не дадите, смотрите, ужо! Сделаю из вас хаос, превращу вас в туман и пыль!»* [Попов, 2006, с. 261].

Одним из важных актов социальной коммуникации с духом болезни являлся договор о сохранении жизни сородичам взамен сохранения жизни Госпоже-болезни. Представление о партнерских отношениях с демоническим персонажем (болезнью) переводило хаотичную ситуацию в ситуацию диалога. Иллюстрацией такого «договора» могут служить уникальные материалы об оспе у верхнеколымских якутов, зафиксированные этнографом А.А. Саввиным в 1940 г. Так, по легенде, Оспа, попав в западню, стала просить шамана отпустить ее, на что шаман поставил ей условие, что отпустит ее только в том случае, если она не тронет людей из его рода. *«Как я узнаю этих людей?»* — спросила Оспа. Шаман ответил, что люди его рода будут носить шапки с двумя рогами и торбаза с острым концом, по этим отличиям она узнает, что это его сородичи. Договорились шаман и Оспа, после чего шаман отпустил болезнь на волю. Прошло какое-то время, и Оспа нарушила договор и пришла опять в эту местность. Шаман поймал ее вновь и снова отпустил, взяв с нее слово, что она никогда не вернется в эти края. С тех пор Оспа в эти края не возвращалась [РФ АЯНЦ СО РАН. Ф. 5, оп. 3, д. 430, л. 19]. Заметим, что такая двусторонняя коммуникация на уровне договора (сообщение шамана адресату) имела место уже в советское время. В 1937 г. во время эпидемии кори, вспомнив эту легенду, детям начали надевать шапки с двумя «рожками» и остроконечные торбаза.

Анализ шаманских камланий против Оспы позволил выделить определенную стратегию поведения шамана. Шаманы вначале предсказывали приход большой болезни, вступали с ней в битву в образе быка-пороза, побеждали хитростью и обманом, заключая дух в предмет, настораживали самоострел. Если же силы шамана и духа болезни были равны, то заключали договор. Так, Оспа обязывалась никогда не бывать среди потомков шамана или заглядывать в эти края [Ксенофонтов, 1992, с. 86–87]. Обращает на себя внимание, что в битвах с Оспой шаман погибает, обрекая на гибель сородичей, из-за нарушения ими строгого запрета не смотреть состязание

шамана с Оспой. В преданиях именно любопытство женщины становится причиной гибели рода [Там же]. По другим сюжетам, шаман ценой своей жизни выкупает у болезни жизнь сородичей. Сохранить физическое и духовное здоровье людей в условиях кризисных ситуаций — основная целительская функция шамана. В целительской практике северные шаманы (ойууны) использовали психоментальные технологии [Чиркова, 2015, с. 135].

Известный этнограф С.М. Широкогоров в своем труде «Psychomental Complex of the Tungus» (1935), подчеркивая огромную значимость феномена шаманизма, определял его как «проявление биологических функций рода, средство самозащиты, предохранительный клапан или саморегулирующийся механизм психологической сферы людей» [Ревуненкова, Решетов, 2003, с. 114]. У коренных народов Арктики были разные сакральные специалисты, обладающие способностями воздействовать на болезнь. К таким специалистам можно отнести и сказителей (олонхосутов). Существовало поверье, что во время эпидемий они рассказывали вечером «хорошее» олонхо, со счастливым исходом для героя, перенесшего тяжелые испытания [Долганский фольклор, 1937, с. 16]. Исполнение олонхо с приемами обмана Оспы можно встретить в долганском фольклоре. В старину к одному сказителю пришла русская болезнь (оспа) и сказала: «Укажи мне на людей, чтобы я могла их съесть». «Ладно», — ответил тот. И стал рассказывать былинку, направляя ее сюжет в подземный мир (мир теней. — *Е. Р.*), и, указывая рукой, отправил оспу в ту сторону [Там же, с. 15]. С тех пор оспа не появлялась в этих краях. Очевидно, что ритуальная функция эпического текста заключалась в достижении конечного результата — изгнания болезни и исцеления больного.

Рис. 2. Мария Суздальова высматривает духов, п. Ойотунг Аллаиховского р-на. Фото М.Я. Жорницкой. Владельческая коллекция И.С. Гурвича в фонде Национальной библиотеки Республики Саха (Якутия). Фотоархив [Юкагирская экспедиция АН СССР. 1959 г. Л. 49].

Fig. 2. Maria Suzdalova is looking for spirits, Ojotung settlement by the Allaikhovskiy district of YaASSR. Photo of M.Ya. Zhornitskaya. Owner's collection of I.S. Gurvich in the Fund of the National library of the Republic of Sakha (Yakutia). Photo archive [Yukagir expedition the Academy of Sciences of the Soviet Union, 1959. L. 49].

Шаманский обряд «поимки» злого духа (болезни)

И.С. Гурвич посвятил всю свою жизнь изучению повседневности аборигенов Арктики. Его научная биография начиналась в заполярной Якутии. Будучи учителем, а потом директором Оленекской школы, он проехал сотни километров по бескрайним просторам тайги и тундры, где встречался с оленеводами, охотниками, рыбаками, стариками, женщинами и детьми, собирая у них ценную информацию [Эхо Арктической Одиссеи..., 2019, с. 7]. Знание якутского языка и длительное проживание на Севере позволили ученому стать «своим» в местной среде и полу-

читать уникальные сведения по «закрытой» в советское время теме — шаманской обрядности. В Аллаиховском районе ученому удалось описать и даже сфотографировать исполнение шаманского обряда по поимке болезни шаманкой М.А. Суздаловой²: «...взяла в рот спирт. Обрызгала возле печки, открыла дверь на улицу, дунула. Села на нары. Кукует, распустила волосы, начала петь. Потирает лицо, провела пальцем вокруг головы, несколько раз выкрикивает, отмахивается, ударяет ладонями, поочередно проделывает взмахи то одной, то другой рукой. Говорит несколько слов, потирает лицо, закрыла его ладонями, снова поет и приговаривает “горля, горля, горля”, фыркнула» [РФ АЯНЦ СО РАН. Ф. 1, оп. 1, д. 359, л. 288].

В ходе камлания шаманка продемонстрировала поимку духа болезни, прибегнув к вызову чукотских духов³: «Движения не очень резкие. Корпус все время находится в небольшом полуприседании. Очень много движений проделывается на корточках. Очень много поворотов головы из стороны в сторону и поклоны вперед. Поднимает руки, согнутые в локтях, закрывает глаза и из-под локтя показывает лицо и язык. Прыгает на двух ногах. Садится на одно колено, бьет себя по голове. Бубен ставит между ногами, этим изображает езду верхом. Тело очень гибкое» (рис. 2) [РФ АЯНЦ СО РАН. Ф. 5, оп. 1, д. 359, л. 287]. Этот зафиксированный в советское время уникальный обряд поимки духа болезни раскрывает представление о болезни как о сверхъестественной категории. Избавиться от этой напасти можно было посредством чужих «пограничных» духов (чукотских, эвенских, юкагирских).

Обсуждение результатов

Широкий семиотический анализ концепта болезни у коренных народов Арктики на уровне лингвистических, исторических, мифологических, фольклорных и ритуальных текстов позволил выделить оригинальный пласт демонологических представлений, связанных с массовыми эпидемиями и символическими стратегиями по их предотвращению. Ментальная карта таких представлений формировалась в условиях «холодного мира», где геокультурная составляющая была одной из важных характеристик пространственного континуума. Очевидно, что культурные коды и символы, обслуживающие образ «русской» болезни в рамках локальных этнокультурных традиций, отражали ее местные особенности. Эпидемиологические болезни «встраивались» в систему традиционных социальных коммуникаций в форме родственных отношений, по типу «комплиментарности» (обозначение болезни «мама», «бабушка», «госпожа», «большая болезнь»). Система визуальных образов персонифицированного духа Оспы включала антропоморфные, зооморфные, природные и бестелесные воплощения (табл. 2).

Таблица 2

Визуальные образы болезни

Table 2

Visual images of the disease

Антропоморфные	Зооморфные	Орнитоморфные	Стихии
Старуха в черном платье	Красная лисица	Птица	Бесплотный дух
Женщина в красном платье	Красная белка	Семь девушек-сестер стерхов	Невидимый ветер
Женщина, одетая в синее платье, с синей оторочкой на торбазах из конской кожи, на голове красный платок	Огненно-красный бык		
Три русские девушки			
Русская девушка в торбазах с загнутой головкой из конской кожи с оторочкой из синего сукна			
Три сестры			

Анализ шаманских камланий против повальных болезней позволил выделить определенную символическую коммуникацию в отношении болезни (дистанционная и прямая). Сакральные практики воздействия на болезнь выражались в следующих способах: предвидение, договор, одаривание/выкуп, приемы обмана, избавление. В восприятии северных народов ритуальный мотив «битвы шамана с болезнью» восходил к креационным мифам преодоления Хаоса и восстановления Гармонии (преодоление кризисного состояния общества, упорядочение мира).

² Суздалова Мария Андриановна — шаманка, Аллаиховский р-н ЯАССР [РФ АЯНЦ СО РАН. Ф. 5, оп. 1, д. 359, л. 286].

³ В представлениях населения Колымского края самыми сильными считались чукотские духи и шаманы.

Заключение

В данном исследовании в рамках символической антропологии анализируется многовековой опыт восприятия коренными народами Севера и Арктики массовых эпидемий и применения ими сакральных стратегий по предупреждению, укрощению и преодолению повальных болезней. Изучая психоментальный мир северного социума, авторы статьи приходят к важному заключению, что именно в нем заложены адаптивные ресурсы бытийного кода коренных народов Севера. Анализ здоровьесберегающих народных практик коренных жителей Арктики предполагает многоуровневый комплекс знаний: связь гуманитарных и социальных наук и духовного опыта локальных этнических сообществ.

Благодарности. Авторы выражают признательность сотрудникам Научно-исследовательского центра книжных памятников Национальной библиотеки Республики Саха (Якутия) и лично директору С.В. Максимовой за помощь в предоставлении материалов из фотоархива И.С. Гурвича.

Финансирование. Статья подготовлена в рамках работы по проекту «Сохранение языкового и культурного многообразия и устойчивое развитие Арктики и Субарктики Российской Федерации» (грант Правительства России № 2020-220-08-6030).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Батьянова Е.П.* Визуальные образы в мировоззрении, мифологии и фольклоре народов Севера // Вестник угроведения. 2018. Т. 8. № 4. С. 695–704. <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2018-8-4-695-704>
- Бравина Р.И., Попов В.В.* Погребально-поминальная обрядность якутов: Памятники и традиции (XV–XIX вв.). Новосибирск: Наука, 2008. 296 с.
- Григорьева А.М.* Народная медицина саха. Якутск: Бичик, 2012. 160 с.
- Гурвич И.С.* Якутско-юкагирские предания об оспе: (К вопросу о путях формирования демонологических образов) // Социальная организация и культура народов Севера: Посвящается памяти Б.О. Долгих / Отв. ред. И.С. Гурвич; АН СССР. Ин-т этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. М.: Наука, 1974. С. 249–269.
- Долганский фольклор* / Вступит. статья, тексты и переводы А.А. Попова; Общ. ред. М.А. Сергеева. М.: Л., 1937. 256 с.
- Иохельсон В.И.* Юкагиры и юкагиризированные тунгусы / Пер. с англ. В.Х. Иванова и З.И. Ивановой-Унаровой. Новосибирск: Наука, 2005. 675 с.
- Исторические предания и рассказы якутов:* В 2 ч. / Подгот. Г.У. Эргис; Под ред. А.А. Попова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. Ч. 2. 360 с.
- Ксенофонтов Г.В.* Шаманизм: Избранные труды. Якутск: Север-Юг, 1992. 316 с.
- Кулаковский А.Е.* Научные труды. Якутск: Кн. изд-во, 1979. 484 с.
- Курилов Г.Н.* Улуру Адо: Юкагирско-русский словарь. Новосибирск: Наука, 2001. 608 с.
- Михель Д.В.* Медицинская антропология: Исследуя опыт болезни и опыт врачевания. Саратов, 2015. 320 с.
- Окладников А.П., Гоголев З.В., Ащепков Е.А.* Древний Зашиверск. М.: Наука, 1977. 211 с.
- Парникова А.С.* О расселении якутов в XVII–XVIII вв. // Сибирь XVII–XVIII вв. Новосибирск: Изд-во СО АН СССР, 1962. С. 247–256.
- Пашкова Т.В.* Персонифицированные болезни и способы их лечения в народной культуре карел // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2016. № 7-2 (160). С. 31–34.
- Пекарский Э.К.* Словарь якутского языка: В 3 т. / РАН. СПб.: Наука, 2008. Т. I. Вып. 1–4: А–Кудуолат. Стб. 1–1280.
- Попов А.А.* Камлания шаманов бывшего Вилюйского округа. Тексты. Материалы по истории религии якутов бывшего Вилюйского округа. Новосибирск: Наука, 2006. 484 с.
- Ревуненкова Е.В., Решетов А.М.* Сергей Михайлович Широкогоров // ЭО. 2003. № 3. С. 100–119.
- Ришес Л.Д.* Русско-эвенский (русско-ламутский) словарь для эвенской начальной школы. Л.; М.: Учпедгиз, 1950. 258 с.
- Романова Е.Н.* Люди солнечных лучей: С поводьями за спиной: (Судьба в контексте мифоритуальной традиции якутов). М., 1997. 200 с.
- Серошевский В.Л.* Якуты: Опыт этнографического исследования. Изд. 2. М., 1993. 736 с.
- Славянские древности.* Этнолингвистический словарь: В 5 т. / Под ред. Н.И. Толстого. Т. 1: А–Г. М.: Международные отношения, 1995. 584 с.
- Содномпилова М.М.* Эпидемические заболевания в жизни монгольских народов // Вестник Бурятского НЦ СО РАН. 2016. № 3 (23). С. 41–51
- Содномпилова М.М.* Инфекционные заболевания в жизни монгольских народов: Представления и практики, борьба с ними // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2017. Т. 10. № 5 (33). С. 141–154.
- Соловьева-Ойунская С.П.* Якутские народные загадки: Специфика жанра. СПб.: Наука, 1992. 112 с.

Харитоновна В.И. Без веры и надежды...: (К проблеме возрождения традиционных религиозно-магических практик) // ЭО. 2003. № 3. С. 60–83.

Харитоновна В.И. Шаманизм в современной России // ЭО. 2009. №3. С. 148-164.

Харитоновна В.И. Медицинская антропология: Российские реалии // Медицинская антропология, проблемы, методы, исследовательское поле. М.: Публисити, 2015. 333 с.

Циркумпольная цивилизация в музеях мира: Вчера, сегодня, завтра. Каталог / Сост. А.Н. Решетникова. Якутск: СІР НБР Саха, 2009. 126 с.

Чиркова А.К. Мой отец — шаман. Якутск: Якутия, 2006. 144 с.

Эхо арктической Одиссеи: К 100-летию И.С. Гурвича / Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, Национальная библиотека Республики Саха (Якутия); Рук. проекта Е.Н. Романова; Сост.: Е.Н. Романова, Л.Б. Степанова, В.А. Неустроева; Отв. за вып. С.В. Максимова, Н.И. Попова. Якутск: Алаас, 2019. 178 с.

Balzer M.M. Healing Failed Faith? Contemporary Siberian Shamanism // Anthropology & Humanism. 2008. № 2 (26). P. 134–149.

Kolodeznikova L., Peers E. The Post-Colonial Ecology of Siberian Shamanic Revivalism // World Views Environment Culture Religion. 2015. 3 (19). P. 245–264. <https://doi.org/10.1163/15685357-01903003>

Ohnuki-Tierney E. Illness and culture in contemporary Japan: An anthropological view. Cambridge: University Press, 1984. 242 p.

Rashid M., Caine V., Goez H. The Encounters and Challenges of Ethnography as a Methodology in Health Research // International Journal of Qualitative Methods. 2015. Vol. 14. № 5. P. 1–16.

ИСТОЧНИКИ

Полевые материалы ЯАССР. 1951–1952 // НИЦКП НБ РС (Я). Владельческая коллекция И.С. Гурвича. Ящ. 35. Д. 1.

Полевые материалы ЯАССР. 1954–1955 // НИЦКП НБ РС (Я). Владельческая коллекция И.С. Гурвича. Ящ. 35. Д. 2.

Материалы по малым народам Севера // НИЦКП НБ РС (Я). Владельческая коллекция И.С. Гурвича. Ящ. 35. Д. 3.

Юкагирская экспедиция. 1959 г. Л. 49 // НИЦКП НБ РС (Я). Фотоархив И.С. Гурвича.

Абыйский район ЯАССР. Л. 112 // НИЦКП НБ РС (Я). Фотоархив И.С. Гурвича.

РФ АЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 359: Отчеты и полевые материалы Юкагирской комплексной экспедиции ИЯЛИ. 381 л.

РФ АЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 3. Д. 430: Предания, легенды по верованиям якутов Верхне-Колымского наслега Среднеколымского района ЯАССР. Материалы экспедиции С.И. Боло 1940 г. 20 л.

РФ АЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 3. Д. 523: Фольклорные материалы, собранные Поповым И.В.: (Народные приметы, народная медицина, загадки, песни и др.). 1941 г. 256 л.

РФ АЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 3. Д. 766: Досельные русские на низовьях Индигирки. Краткие замечания о жанрах фольклора Русского Устья. Материалы Индигирской этнографо-лингвистической экспедиции Т.А. Шуба. 22 л.

Romanova E.N.^{a, b}, Stepanova L.B.^{a, *}

^a Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of Siberian Branch of the RAS
Petrovskogo st., 1, Yakutsk, 677027, Russian Federation

^b International Research Laboratory “Linguistic Ecology of the Arctic”
Belinsky st., 58, Yakutsk, 677000, Russian Federation

E-mail: e_romanova@mail.ru (Romanova E.N.); solo007_79@rambler.ru (Stepanova L.B.)

Anthropology of disease. In the wake of the Arctic Circle epidemics: field materials of I.S. Gurvich

The unique body of materials collected by the Soviet ethnographer and the North scholar I.S. Gurvich (1919–1992) in places of compact residence of the indigenous peoples of Yakutia (the Yukagir expedition of 1959) for the first time determined scientific interest in the problem of medical anthropology, which reflected original ideas about diseases and health as a vital unity (body and soul), as well as symbolic “charging” of medical practices. The purpose of this research is an attempt to understand the spiritual experience of the peoples of Yakutia in the context of social, epidemiological, and climatic disasters. An interpretation of the visual image of epidemics in the

* Corresponding author.

traditional worldview of the indigenous peoples of Yakutia is given. The main object of this research, which reconciles the past and present, is the traditional world of long-lasting “perception” and “experience” of mass epidemics by indigenous people of the North. The methodological innovation of the paper is the study of colonial diseases in the framework of social and cognitive anthropology. With the example of local ideas about diseases and treatment in different ethnic communities of North Asia (the Yakuts, Evens, and Yukagirs), we analyze a complex socio-cultural phenomenon that emerged in the 17th century from the historical contacts between local and foreign origin cultures. The cultural dimension of the epidemic diseases within the borders of the Arctic circle, based on the historical and ethnographic sources of the Northern expeditions of the Soviet ethnologist I.S. Gurvich, is the first attempt of the cognitive analysis, the image of the disease and symbolic strategies for its prevention. A broad semiotic analysis of the concept of disease in the indigenous peoples of the Arctic at the level of linguistic, historical, mythological, folklore and ritual texts allowed us to identify the original layer of demonological representations associated with mass epidemics and symbolic strategies for their prevention. Cultural codes of the demonic character-disease (space, color, object, action, ritual) are identified. Sacred practices of influencing the disease were expressed in the following ways: foresight; conciliation; gifting/redemption; deception techniques; and deliverance. Diseases are personified and encoded using certain characters. Obviously, the semiotic system serving the image of disease in the framework of the local ethno-cultural traditions reflected the local specifics.

Keywords: history of epidemics, medical anthropology, indigenous ethnic groups of the North-East of Russia, the population of the past, the anthropology of the disease, health-saving folk practices, the character and image of the disease, the language picture and the ritual context.

Acknowledgements. The authors express their sincere gratitude to employees of the Research center of book monuments the National library of the Sakha Republic (Yakutia) and personally to the Director S.V. Maksimova for their assistance in providing the photo archive of I.S. Gurvich.

Funding. The research is funded by grant No. 2020-220'08-6030 «Preservation of Linguistic and Cultural Diversity and Sustainable Development of the Arctic and Subarctic of the Russian Federation».

REFERENCES

- Balzer, M.M. (2008). Healing Failed Faith? Contemporary Siberian Shamanism. *Anthropology & Humanism*, 26(2), 134–149.
- Bat'yanova, E.P. (2018). Visual images in the worldview, mythology and folklore of the peoples of the North. *Bulletin of Ugric studies*, (4), 695–704. <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2018-8-4-695-704>. (Rus.).
- Bravina, R.I., Popov, V.V. (2008). *Funeral and memorial rituals of the Yakuts: Monuments and traditions (15th–19th centuries)*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Chirkova, A.K. (2006). *My father is a shaman*. Yakutsk: Yakutiya. (Rus.).
- Ergis, G.U., Popov, A.A. (Eds.) (1960). *Historical legends and stories of the Yakuts. Vol. 2*. Moscow; Leningrad: Izdatelstvo AN SSSR. (Rus.).
- Grigor'eva, A.M. (2012). *Traditional medicine Sakha*. Yakutsk: Bichik. (Rus.).
- Gurvich, I.S. (1974). Yakut-Yukagir legends about smallpox: (On the question of the ways of forming demonological images). In: *Social'naya organizatsiya i kul'tura narodov Severa: Posvyashchaetsya pamyati B.O. Dolgih*. Moscow: Nauka, 249–269. (Rus.).
- Haritonova, V.I. (2003). Without faith and hope... (To the problem of the revival of traditional religious and magical practices). *Etnograficheskoe obozrenie*, (3), 60–83. (Rus.).
- Haritonova V.I. (2009). Shamanism in modern Russia. *Etnograficheskoe obozrenie*, (3), 148–164. (Rus.).
- Haritonova, V.I. (2015). Medical Anthropology: Russian Realities. In: *Meditinskaya antropologiya, problemy, metody, issledovatel'skoe pole*. Moscow: Publisiti, 5–8. (Rus.).
- Iohel'son, V.I. (2005). *Yukaghirs and Yukagirized Tunguses*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Kolodeznikova, L., Peers, E. (2015). The Post-Colonial Ecology of Siberian Shamanic Revivalism. *World Views Environment Culture Religion*, 19(3), 245–264. <https://doi.org/10.1163/15685357-01903003>
- Ksenofontov, G.V. (1992). *Shamanism: Selected Works*. Yakutsk: Sever-Yug. (Rus.).
- Kulakovskij, A.E. (1979). *Scientific works*. Yakutsk: Knizhnoye izdatelstvo, 1979. (Rus.).
- Kurilov, G.N. (2001). *Uluro Ado: Yukaghir-Russian Dictionary*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Mikhel', D.V. (2015). *Medical Anthropology: Exploring the Experience of Disease and the Experience of Healing*. Saratov. (Rus.).
- Ohnuki-Tierney, E. (1984). *Illness and culture in contemporary Japan: An anthropological view*. Cambridge: University Press.
- Okladnikov, A.P., Gogolev, Z.V., Ashchepkov, E.A. (1977). *Ancient Zashiversk*. Moscow: Nauka. (Rus.).
- Parnikova, A.C. (1962). About the settlement of the Yakuts in the 17th–18th centuries. In: *Sibir XVII–XVIII vv*. Novosibirsk: Izdatelstvo SO AN SSSR, 247–256. (Rus.).
- Pashkova, T.V. (2016). Personalized diseases and methods of their treatment in the Karelian folk culture. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta*, (7-2), 31–34. (Rus.).
- Pekarskij, E.K. (2008). *Dictionary of the Yakut language: In 3 vol. Vol. 1*. St. Petersburg: Nauka. (Rus.).

- Popov, A.A. (2006). *Kamlaniya shamans of the former Vilyui district: Texts: Materials on the history of the religion of the Yakuts of the former Vilyui district*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Rishes, L.D. (1950). *The Russian-Even (Russian-Lamut) dictionary for the Even primary school*. Leningrad; Moscow: Uchpedgiz. (Rus.).
- Rashid, M., Caine, V., Goetz, H. (2015). The Encounters and Challenges of Ethnography as a Methodology in Health Research. *International Journal of Qualitative Methods*, 14(5), 1–16.
- Reshetnikova, A.N. (2009). *Circumpolar civilization in the museums of the world: Yesterday, today, tomorrow*. Catalog. Yakutsk. (Rus.).
- Revunenkov, E.V., Reshetov, A.M. (2003). Sergej Mihajlovich Shirokogorov. *Etnograficheskoe obozrenie*, (3), 100–119. (Rus.).
- Rishes, L.D. (1950). *The Russian-Even (Russian-Lamut) dictionary for the Even primary school*. Leningrad; Moscow: Uchpedgiz. (Rus.).
- Romanova, E., Stepanova, L., Neustroeva, V. (Eds.) (2019). *Echo of the Arctic Odyssey: To the 100th anniversary of I.S. Gurvich*. Yakutsk: Alaas. (Rus.).
- Romanova, E.N. (1997). *Sun rays people. With reins behind the back: (Fate in the context of the mythical tradition of the Yakuts)*. Moscow. (Rus.).
- Sergeev, M.A., Popov A.A. (Eds.) (1937). *Dolgan folklore*. Moscow; Leningrad. (Rus.).
- Seroshevskij, V.L. (1993). *Yakuts: Ethnographic research experience*. Moscow. (Rus.).
- Solov'eva-Ojunsкая, S.P. (1992). *Yakut folk riddles: Specificity of the genre*. St. Petersburg: Nauka. (Rus.).
- Sodnompilova, M.M. (2016). Epidemic diseases in the life of the Mongolian peoples. *Vestnik Buryatskogo nauchnogo tsentra Sibirskogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk*, 23(3), 41–51. (Rus.).
- Sodnompilova, M.M. (2017). Infectious diseases in the life of the Mongolian peoples: Ideas and practices, the fight against them. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN*, 2017, (5), 141–154. (Rus.).
- Tolstoy, N.I. (Ed.) (1995). *Slavic antiquities: Ethnolinguistic dictionary: In 5 vol. Vol. 1*. Moscow: Mezhdunarodnyye otnosheniya. (Rus.).

Романова Е.Н., <https://orcid.org/0000-0001-6973-0608>

Степанова Л.Б., <https://orcid.org/0000-0002-2826-6295>

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 27.05.2021

Article is published: 27.08.2021